

Читайте в серии:

«Заколдованный замок» Ирене Циммерман

«Привидения Пандоры Пиквик» Кристины Вольфф

ДЖИММИ КАДЖОЛЕАС

Гусси

ЗАЩИТНИЦА
С ОГНЕННОЙ СКРИПКОЙ

Москва
2024

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
К13

Jimmy Cajoleas
Gussy

Copyright © 2021 by Jimmy Cajoleas
All rights reserved.

Дизайн обложки *А. Ковалкиной*

Дизайн макета *П. Солдатовой*

Каджолеас, Джимми.

К13 Гусси. Защитница с огненной скрипкой / Джимми Каджолеас ; [перевод с английского А. А. Погосян]. — Москва : Эксмо, 2024. — 448 с. — (Котелок с магией. Подростковое фэнтези).

ISBN 978-5-04-176805-8

У Защитника деревни в пустыне есть только одно правило: когда садится солнце, нужно держать ворота закрытыми.

Именно это должна усвоить Гусси, когда главного Защитника, её дедушку, Совет вызывает в пустыню за пределами деревни, а девочку оставляют за главную. Но в свою первую ночь на посту Гусси нарушает это правило. Загадочная девушка прибыла в деревню в поисках убежища, вынуждая Гусси открыть ворота. Жуткая зараза и разруха проникли в этот момент за стены деревни, и теперь все жители обращаются к юной Защитнице. Гусси придётся искать помощь у неожиданных союзников, чтобы спасти свой дом.

Сможет ли Гусси избавить деревню от гибели и вернуть ей прежний облик до возвращения дедушки?

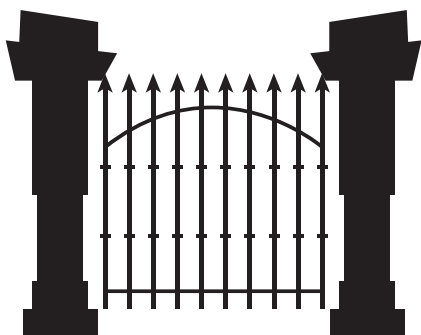
УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Погосян А.А., перевод на русский язык, 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-176805-8

ГЛАВА 1

Моё любимое время — это когда мы со Сверчком тушим Последние Огни, завершая дневной Ритуал: все дела закончены и защита на месте. На песке нарисованы волк и звезда, перья кардинала развешаны на деревьях, как язычки пламени по четырём углам ограды посёлка, а куриная лапка закопана в пустыне как раз перед воротами. Это время перехода, короткий промежуток после заката: дневной свет ещё не погас полностью, сопротивляясь ночи. Это первые минуты моего настоящего отдыха и самое чудесное время дня: мы

со Сверчком, довольные жизнью, сидим на крыльце, а дедушка Вдова курит трубку и рассказывает нам истории. Никогда больше я не чувствовала себя в такой безопасности. Ночью, когда в пустыню приходит Погибель, ветер может яриться и реветь сколько угодно, звёзды меркнуть сами собой, а луна кататься вверх-вниз по небосклону, — я знала, что нашему посёлку ничего не грозит, потому что безукоризненно выполнила Ритуал. Я сама за этим следила, а вместе со мной дедушка Вдова и даже Сверчок.

Сверчок — это мой пёс, он у меня уже много лет. Однажды он явился из пустыни, облезлый и еле живой от голода, и дедушка Вдова позволил мне его оставить. Понятия не имею, откуда взялась эта кличка — Сверчок, просто он хотел, чтобы его так звали, это было ясно с самого начала. Да вы и сами бы это поняли, если бы увидели умильную улыбку у него на морде, когда он слышит свою кличку. Вообще-то он очень весёлый, любит гавкать, скакать вокруг сломя голову и совать нос куда не следует, но к Ритуалу

относится серьёзно, совсем как я. Потому что от нас зависит весь посёлок.

Стоит только подумать про Погибель там, за оградой в пустыне, как она вертится у ворот и воеет над бескрайними песками и камнем, и носится на крыльях дикого ветра... ничего не могу с собой поделать — меня пробирает дрожь. Погибель всегда старается пробраться к нам с ветром, ищет и ищет малейшую щёлочку, ошибку в Ритуале, ждёт, что я нарушу правила. Но пока ворота на запоре, Погибели к нам не проникнуть. И если вы думаете, что имеете дело с какой-то перепуганной до смерти малявкой, плохо вы меня знаете.

Просто поверьте мне. Когда приходит ночь, вы сами не захотите остаться там, снаружи, за нашими воротами.

Но в тот день, едва мы потушили Последние Огни, всё пошло немного по-другому. Так вот и начались те неприятности, из-за которых пришлось измениться и нам со Сверчком, и дедушке Вдове, и всему нашему посёлку. Да-да, как раз с последними отблесками дня, когда Большой Гордо совсем уже

собирался запереть ворота на ночь, я заметила на горизонте тёмную точку. Поначалу маленькая и странная, ни дать ни взять летучая мышь, перепорхнувшая через бархан, она мелькала в сумрачном свете. Но вскоре стало видно, что это одинокий всадник, — наверное, какой-то запоздалый вестник мчался наперегонки с ночной тьмой.

— Ты видишь? — спросила я.

Дедушка Вдова пробурчал что-то мрачное. Конечно, ему это нравилось не больше, чем мне. Всадник на закате дня никогда не приносит хорошие вести. Честно говоря, я не понимала, как мы до сих пор его проглядели: обычно отсюда был отличный обзор на многие мили вокруг и никто не мог бы подкрасться к посёлку незамеченным. Это была ещё одна загадка пустыни, её тайная игра со светом и тенью.

— Вот что я тебе скажу, — наконец произнёс дедушка Вдова. — Этому всаднику лучше поспешить, потому как мы закроем ворота с последним светом, что бы ни случилось.

Наш посёлок расположен в распадке посреди пустыни — в Хмурой долине, назван-

ной так из-за пыльных голых холмов вокруг, уходящих вдаль на многие мили. Это укромный пяточок, оазис в бескрайнем мёртвом ничто. Я сказала «ничто», имея в виду, что здесь нет следов других людей. Вообще-то тут полно самых разных тварей, обычно населяющих пустыню: змей, пауков, ящериц и диких котов, и орлов — и всех, кого вы только могли бы себе представить. Им хватает смекалки, чтобы выжить в песках, а это, смею заверить, далеко не всегда можно сказать о людях. Были бы мы хоть наполовину такие же ушлые, как эти твари, жили бы себе припеваючи.

Не то чтобы в пустыне не бывает путешественников, время от времени мы видим тут всяких-разных пришлых: гонцы, мелкие торговцы, бродяги и охотники, — да кому только не сидится на месте, вот и носятся мимо, как перекаати-поле. Но даже им обычно хватает ума не пускаться в путь на ночь глядя, когда подступает время разгуляться Погибели. Хотя бывает и так, что проснёшься посреди ночи и замечаешь, как по дороге движутся огни: это факелы горят на фурго-

нах. Я слышала тогда отголоски пения: своими гимнами и молитвами они надеются спастись от Погибели. И я сама начинала молиться, если видела их там, и когда ветер завывал особенно жутко, благодарила судьбу за то, что нахожусь в безопасности, в посёлке, под защитой.

— Но ты ведь не закроешь ворота перед всадником, правда? — спросила я, потому что знала, что ближайшее к нам поселение в трёх днях пути. — Ты не бросишь его там на ночь?

Дедушка Вдова сплюнул на песок.

— Я сделаю, как будет лучше для посёлка, — сказал он. — И ты отлично знаешь, что это наша первая обязанность.

На вид дедушка Вдова — ветхий столетний старичок, однако я не видела в жизни никого крепче. Могу поспорить, что половину мужчин из нашего посёлка он запросто уложит одной левой. Не то чтобы он стал это делать, вот что я скажу. Дедушка Вдова никакой не драчун.

— Послушай-ка, Гусси... — Это дедушка Вдова так меня зовёт — Гусси, или просто

Гус, хотя моё полное имя Густавина Митридес Перл — а это явно перебор. В общем, он бы сказал: — Жестокость всегда ошибочна. Даже если необходима.

Я не очень-то разбираюсь, что это значит, потому что если ошибка — то зачем её совершать? Но таков уж наш дедушка Вдова. Любит выдать что-нибудь этакое, а ты потом сиди да ломай голову. И я прямо вам скажу: эти размышления над значением какой-то вещи иногда гораздо важнее самого значения. Правда, иной раз меня это жутко бесит — не без того, конечно.

Да только на дедушку Вдову долго сердиться невозможно. Ведь это он меня вырастил и научил тому, как сохранить нас в безопасности. Он главный, кто отвечает за то, чтобы не впустить к нам Погибель, и не даёт ей всё тут заразить, выполняя Ритуал. Уже много лет прошло с того дня, как через посёлок прошёл Защитник и научил Ритуалу дедушку Вдову. Он был здесь больше пятидесяти лет назад. Потому что если Погибель прорывается внутрь: через щель в воротах, или плохо привязанное перо кардинала, или

если какая-нибудь собака в пустыне выкопает куриную лапку — словом, стоит что-то сделать не так, тут-то она и сеет свою заразу. А уж если в доме поселилась зараза, хуже и быть не может, потому как эта нечисть разносится быстрее пожара. Дедушка Вдова может вылечить дом — насколько я знаю, он может вылечить кого угодно и что угодно, но только это ужасно тяжёлая работа, особенно для такого старика, как дедушка Вдова. Вот потому он и учит нас со Сверчком. Нам придётся его заменить, когда он совсем состарится.

Мне сделалось не по себе, пока я следила за этим всадником, так и остававшимся слишком далеко от посёлка. Поторопился бы он, что ли. В пустыне всегда так: ждёшь — не дождёшься. Даже если и видишь, как кто-то едет, целая вечность пройдёт, пока он доедет до нас. Я не хотела, чтобы его бросили за воротами и он достался Погибели.

Вот только и Большому Гордо, как пить дать, тоже было не по себе. Его ведь недаром так прозвали. Высоченный, лысый, как луна, он говорил гулким низким басом,

и кроме него, никто в посёлке не смог бы в одиночку ворочать створки ворот. Да у него рука была толщиной с мою голову. Но Большой Гордо не был злым — стоит лишь узнать его получше. Начать хотя бы с того, что он читает днями напролёт. Я вечно втихаря таскаю ему книги из библиотеки дедушки Вдовы — всё лучше, чем если бы он просто сидел да пялился в пространство в ожидании какого-то неведомого чуда. Глаза у него голубые, светлые и блестящие, как градины, и ещё он умеет свистеть, как птица. А кроме того, он поэт, вот только об этом я никому не должна рассказывать. Больше всего стихов у него про какие-то невероятные цветы, про снежные бури и целые горы льда, которые он называет ледниками. Он уверяет, что они движутся, только очень медленно, как самые древние твари, и сносят всё на своём пути.

— Ну почему бы тебе хоть раз не написать стихи о том, что ты видишь вокруг себя? — однажды спросила я. — Типа, почему бы тебе не написать оду сухой траве, или грифам-индейкам, или коровьему черепу с цветком в глазнице, или чему-то в этом роде?

Он пожал плечами, как будто я сморозила глупость:

— Я люблю путешествовать, малышка.

Я подумала, что этот ответ не хуже других.

А всадник тем временем был всё ближе и ближе, и конь под ним нёсся во весь опор. Лучше бы мы сейчас сидели в Приюте и ели неповторимый супчик дедушки Вдовы. Я бы играла на скрипке самые любимые его баллады. Он обожает баллады, особенно про то, как все корабли потонули и юноши пошли ко дну, а девы слагали лодки из собственных тел, чтобы вернуть их домой, и все непрерывно плакали и рыдали.

Я-то больше люблю песни про приключения, и про морских чудовищ, или вообще про океан, который я так никогда и не увижу, — если помнить, какая огромная пустыня окружает нас каждый день. Настоящее море из песка и скал и несчастных скрюченных растений, это верно, но при этом песок не так-то прост. Я о том, что в каждой норке и ложбинке здесь таится разная живность: то пробежит по песку паучок такого же жёлто-

го цвета, то змея свернётся смертельно опасными кольцами. Хотите верьте, хотите нет, но иногда вылезают даже жабы — хотя этих можно встретить только после дождя. Я обожаю, когда в пустыне выпадает дождь — вы не думайте, не бешеная буря, от которой никому не поздоровится, а просто хороший ливень, такой короткий, что и оглянуться не успеешь, а он прошёл. Зато после него песок расцветает пурпурными бутонами, до поры укрытыми под землёй, где они ждут своего часа. Мне кажется, что и мы со Сверчком такие же. Однажды нам выпадет шанс показать, на что мы способны. Чтобы помочь всаднику скакать быстрее, я замурлыкала специальную тревожную песню: «Солнце садится, лошадка к нам мчится». Я стиснула кулаки и помолилась Тому, Кто Слышит, чтобы и он поторопил коня. Большой Гордо аж губу закусил, а Сверчок поскуливал от нетерпения. Только дедушка Вдова оставался непоколебимым: настоящий каменный утёс. Такие торчат повсюду, как макушки колоколен, неподвижные и равнодушные ко всему.